

— Вернулся? — Биянь шагнула навстречу Цзян Мэнчжэню, помогая ему снять верхнее платье.
— Нашёлся ли Золотой тигр?

— И не спрашивай, — вздохнул Чжухэнь. — Бедный кот сожрал какую-то дрянь и издох. Госпожа Ци тут же решила, будто это дело рук второго молодого господина Ци, и подняла страшный шум. Благо старший молодой господин вовремя во всём разобрался и уладил дело, иначе беды не миновать.

Цзян Мэнчжэнь устало откинулся на спинку кушетки, бережно уложив на колени пестрого черно-белого котенка.

— А это чудо откуда? — Биянь подошла ближе и с удивлением уставилась на зверька. — Батюшки, да он же весь в крови!

Глядя на бурые пятна на свалявшейся шерстке, Цзян Мэнчжэнь почувствовал, как сжимается сердце.

— Чжухэнь, возьми из аптечки заживляющую мазь и отнеси второму молодому господину, — тихо велел он. — Только ступай осторожно, не попадайся никому на глаза, чтобы не пошли лишние толки.

Чжухэнь кивнул и бесшумно выскочил из комнаты. Биянь принесла таз с теплой водой и, бережно обмывая котенка, негромко спросила:

— Молодой господин боится, что госпожа Ци заподозрит неладное?

— В конце концов, вся эта кутерьма заварилась из-за меня, — со вздохом отозвался Мэнчжэнь.
— Все ведь знают, сколько сил и серебра старший молодой господин положил, чтобы разыскать этого Золотого тигра. Я сразу сказал, что не приму подарок, но он просто оставил кота и ушел. Возвращать подарок следом было бы глупо и неловко, вот я и оставил его у себя. А теперь случилось такое... Из-за меня второй молодой господин попал под горячую руку и принял побои. Как ни посмотри, это моя вина.

— Не наговаривайте на себя, молодой господин, — фыркнула Биянь. — Как по мне, так госпожа Ци просто спит и видит, как бы извести выроdkов наложниц. Второй молодой господин — такой же наследник дома, а его за какую-то кошку засекли чуть не до смерти. Сразу видно, что она этих несчастных и за людей-то не считает.

— В нашей семье такого отродясь не бывало, — покачал головой Мэнчжэнь. — Я и прежде слышал о вечной вражде между законными женами и наложницами, но сам никогда с этим не сталкивался и не представлял всей глубины этой пропасти. Сегодняшнее зрелище... оно по-настоящему меня ужаснуло.

Биянь язвительно усмехнулась:

— Самое забавное, что госпожа Ци сама ведь из побочных дочерей родом! Это наша госпожа — настоящая законная дочь из благородного рода. И как только у неё язык поворачивается так ненавидеть детей наложниц? Сама себя не помнит? Или, как у нас говорят, из грязи в князи выбилась, вот и тешит спесь?

— Прикуси язык! — строго оборвал её Мэнчжэнь. — Твои бы речи да...

Мэнчжэнь поманил девушку рукой. Биянь укутала вымытого котенка в сухое полотенце и бережно опустила хозяину на грудь, шутливо щелкнув зверька по влажному носу:

— Ну и повезло же тебе, приبلудыш! Всё, что для Золотого тигра готовили, теперь тебе достанется.

— Много ты понимаешь, — мягко улыбнулся Мэнчжэнь. — Погляди на его спинку: черное пятно, точно печать на поясе, а хвост и вовсе угольный. В «Каноне кошек» такой окрас величают «Снегом, волочащим копьё». Считается, ежели в доме живет такой зверь, то в семье непременно явится великий герой. Вы просто в редкостях не смыслите.

— Надо же, какой важный приبلудыш, — рассмеялась Биянь. — Тогда молодой господин должен дать ему достойное имя.

— У У Сисчуня кота зовут Снежное сокровище. А у этого малютки пятнышко на спине точь-в-точь как грозовое облачко. Пусть будет Облачком. — Цзян Мэнчжэнь прижал котенка к себе и прилег на кровать, легонько поглаживая шелковистую шерстку. — Ну что, нравится тебе такое имя, глупыш?

Котенок высунул шершавый розовый язычок и лизнул Мэнчжэня в щеку, словно выражая свое согласие.

— Что ж, кота с окрасом «Снег, волочащий копьё» мы завели, а где же обещанный герой? — Биянь задернула легкий полог кровати и лукаво подмигнула: — Уж не старший ли молодой господин Ци метит на эту роль?

Цзян Мэнчжэнь промолчал, лишь натянул одеяло до самых глаз и притворился, будто спит, не желая поддерживать эти дразнилки.

— Мне сдается, второй брат на такую низость не способен, — Ци Фэнцзю жестом отослал слуг и лично налил матери чашку горячего чая. — Матушка, вы слишком близко к сердцу всё принимаете. Подумаешь, кошка! Разве она стоит ваших нервов? Устроили такой переполох,

только людей насмешили — теперь поползут слухи, будто вы житья не даёте сыновьям от наложниц.

Госпожа Ци тяжело вздохнула. В глубине души она уже и сама жалела о своей вспышке.

— Да знаю я... Знаю, что у этого выроodka наложницы кишка тонка извести твоего кота. Только он ведь обычно тише воды ниже травы, а сегодня вдруг распустил кулаки. Боюсь я: вырастет щенок, почует силу — и не сладишь с ним тогда. Вот я со страху и вспыхнула, разум гневом затмил...

— Всякий подаст голос, коли его притесняют, — негромко и размеренно проговорил Ци Фэнцзю. — Он всё же молодой господин этого дома, пусть и побочный. Естественно, когда слуги пытаются его оболгать, он приходит в ярость. Да и сдаётся мне, матушка, что истинная причина вашего беспокойства вовсе не во втором брате, а в батюшке.

Госпожа Ци со стуком опустила чашку на стол. Поняв, что сын без труда разгадал её тайную печаль, она больше не могла притворяться и, прижав шелковый платок ко лбу, сокрушенно запричитала:

— Да... Твоя правда! И всё из-за твоего отца, старого кобеля! Почтенный муж, седина в бороду, а всё туда же — волочится за каждой юбкой! Буквально на днях заявил мне, что собирается притащить в дом очередную девку... Я-то, наивная, думала, что он уgomонился за эти годы. Наследников у него предостаточно, живи да радуйся на старости лет! Так нет же, всё ему мало, ненасытному!

— За те многие годы, что я провел за книгами, я усвоил одно, — Ци Фэнцзю приподнял чайник, наполнил свою чашку и, опустив глаза, тихо произнес: — В этом мире всё изменчиво, и нет раз и навсегда заведенного порядка. Вот, к примеру, сейчас вы всей душой желаете, чтобы я женился на молодом господине Цзяне. Но позволите ли вы мне в будущем делить ложе только с ним одним?

— Ну уж нет, как это возможно! — всплеснула руками госпожа Ци.

— Вот видите, тогда мне придется брать наложниц. И почему-то, когда речь заходит о моих наложницах, вы не кручинитесь, а напротив, считаете это благом. — Ци Фэнцзю поднял руку, мягко останавливая готовую разразиться тирадой мать. — Всё потому, что я — ваш сын, а батюшка — ваш супруг. Но ведь ваш супруг когда-то тоже был чьим-то сыном, а ваш сын в один прекрасный день станет чьим-то супругом. Если я, повинувшись воле родителей, начну приводить в дом вторую, третью жену, или, подобно батюшке, погрязну во флирте и утехах на стороне, то рано или поздно между мной и моим законным супругом не останется и капли прежней нежности. И тогда, матушка, вы вряд ли вспомните ту горечь, что терзает вас сегодня. Напротив, вы станете упрекать мою половину в неразумной ревности и скверном нраве.

Госпожа Ци растерянно слушала его речи. В её голове мысли о сыне и муже перепутались в невообразимый клубок. Она приоткрыла рот, но смогла выдать лишь одно:

— Милый мой, ты у меня ученый, судишь правильно... Я в этих умных речах не сильна. Скажи мне только одно: можешь ли ты сделать так, чтобы твой отец не приволок эту дрянь в наш дом?

— Не беспокойтесь, матушка. К мнению старшего сына батюшка всё же прислушивается. К тому же он только-только занял должность вице-министра ритуалов, ему сейчас следует усердствовать на службе, а не давать столичным кумушкам повод для сплетен — вреда от этого будет куда больше, чем проку. То же касается и нашего семейного гнезда. Древние мудрецы учили: не делай другим того, чего не желаешь себе. Мои единокровные братья уже выросли. Они больше не безответные дети, которыми можно помыкать, как вздумается. Матушка, не будьте к ним столь суровы. Даже если вы заботитесь лишь о собственном добром имени, приличия всё же стоит соблюдать.

— Твоя правда, глупо вышло, — согласилась госпожа Ци. — Кто же знал, что вы с молодым господином Цзяном явитесь вместе? Не хватало еще, чтобы он счел наш дом обителью жестокости и тирании. Ты уж как-нибудь объяснись с ним, сынок, сгладь это недоразумение.

— Мы встретились у ворот усадьбы совершенно случайно. Молодой господин Цзян строго чтит приличия и никогда бы не пошел на тайное свидание. К тому же он держится со мной весьма прохладно, соблюдая лишь требования вежливости. Матушка, не стройте напрасных иллюзий, чтобы потом не пришлось горько разочароваться.

— Да как у него только глаза повернутся не оценить тебя? — возмутилась госпожа Ци. — Мой сын — первый красавец и умница, где он найдет партию лучше?

Ци Фэнцзю лишь горько усмехнулся.

— Раз уж вы не хотите, чтобы молодой господин Цзян затаил обиду, не стоит ворошить дело с кошкой. Иначе всплывет столько грязи, что вовек не отмоемся. Раз уж это коснулось гостя, он наверняка спросит о развязке, и нам попросту нечего будет ему ответить.

— А по мне, так проще было повесить всё на паршивца Хэли и дело с концом! — фыркнула госпожа Ци. — Один ты за него заступаешься, а этот волчонок твоей доброты всё равно не оценит!

Ци Фэнцзю понял, что все его увещания пропали даром. Его матушка правила усадьбой железной рукой, но не ведала справедливости, опираясь лишь на собственные капризы да слепую злобу. Домочадцы трепетали перед ней и не смели перечить в открытую, но в душе презирали её порядки, отчего за её спиной то и дело творились козни. Поместье Ци лишь казалось благообразным и чинным, на деле же давно погрязло в интригах и лицемерии.

С ранних лет наделенный острым умом, шестнадцатилетний Ци Фэнцзю давно подметил царящий в доме разлад. Он искренне пытался направить мать на верный путь, но та оставалась глуха к его доводам, упрямо следуя своим прихотям. Не зря в народе говорят: «Выберешь мудрую жену — дом расцветет, глупую — погибнет». К несчастью, его матушка была бесконечно далека от истинной мудрости. Но разве сыну пристало упрекать родительницу в

глупости? Незыблемый сыновний долг связывал его по рукам и ногам, заставляя молча сносить позор и лишь бессильно вздыхать в стороне.

Попрощавшись с матерью, Ци Фэнцзю направился в крыло наложницы Чжоу, чтобы навестить Ци Хэли. Он никогда не ладил с единокровными братьями, но сегодня матушка явно перегнула палку, забив парня до крови. Ему, как старшему, следовало сгладить углы и проявить толику семейного тепла.

Еще не переступив порог, он услышал визгливую брань наложницы Чжоу:

— Тварь ты неблагодарная! Чужая шавка на улице — и та благороднее тебя будет! Какого черта ты к этой кошке полез? Так тебе и надо, мало тебе шкуру спустили, выродок!

«Еще одна дура, — с тоской подумал Ци Фэнцзю. — Собственного сына засекли, а она перед госпожой пикнуть не смела, зато теперь отыгрывается на избитом ребенке, даже не пытаясь разобраться»

В груди шевельнулась странная, горькая жалость к брату. Остановившись у окна, он негромко спросил:

— Тётушка-наложница, я пришел навестить второго брата. Могу ли я войти?

За стеной мгновенно стихло. Дверь тут же распахнулась, и на порог выскочила наложница Чжоу. Торопливо разглаживая складки на платье, она приторно улыбнулась:

— Ах, старший молодой господин! Какими судьбами? Проходите, прошу вас, проходите скорее!

Ци Фэнцзю был единственным законным наследником и будущим главой клана, к тому же он почти никогда не заглядывал на половину наложниц. Столь редкий визит не на шутку польстил женщине.

Ци Хэли лежал на кане ничком, уткнувшись лицом в подушку. Служанка только что закончила срезать присохшую к изодранной спине рубаху. Эта попытка заставила парня прийти в себя от невыносимой боли.

— Почему до сих пор не обработали раны? — нахмурился Ци Фэнцзю. Он присел на край лежанки и взял со столика изящный флакончик из белого нефрита. Откупорив его, он принялся: — Славное снадобье. Чувствую запах редких горных трав.

Наложница Чжоу расплылась в заискивающей улыбке:

— Сразу видно ученого человека! Нам такое сокровище не по карману. Это снадобье только что прислал слуга молодого господина Цзяна.

— Вот как? — Ци Фэнцзю удивленно приподнял бровь. Отложив веер, он без тени брезгливости взял флакон и принялся бережно смазывать окровавленные полосы на спине брата. — Матушку ввели в заблуждение коварные слуги, оттого она и разгневалась на второго брата. Позвольте мне принести извинения за эту несправедливость от её имени.

— Да что вы, как можно! — испуганно замахала руками наложница Чжоу.

Ци Хэли молча лежал, вжавшись лицом в подушку, и слушал мягкий, вкрадчивый голос старшего брата:

— Стоило лишь взглянуть повнимательнее: на теле Золотого тигра не было никаких следов побоев. Второй брат тут совершенно ни при чем. Похоже, глупая кошка просто сожрала отраву для крыс.

Всего несколько простых слов. Когда Хэли пытался докричаться до правды, никто его не слушал — все вокруг точно ослепли и оглохли, лишив его возможности оправдаться. А старший брат сразу всё понял и заступился за него. В груди Хэли разлилось тепло благодарности. Ему не нужно было сочувствие или жалость, он жаждал лишь справедливости. Но в этом доме, где стена между законными и побочными детьми была непреодолима, о справедливости не стоило и мечтать.

— Брат... — Хэли с трудом приподнял голову и сипло выдавил: — Спасибо тебе.

Ци Фэнцзю мягко коснулся его мокрых от пота волос и тихо произнес:

— Я знаю. Тебе пришлось несладко.

Их взгляды встретились, и в это мгновение между ними впервые возникло робкое чувство братской близости. В этом удушливом, прогнившем поместье подобное было истинным чудом.

— Ну вот и славно, не кисни, сынок! — поспешила вставить наложница Чжоу, сияя от глупой гордости за своего догадливого отпрыска. — Погляди только, как о тебе брат со снохой заботятся!

При упоминании «снохи» — а под ней глупая женщина, разумеется, разумела приславшего лекарство Цзян Мэнчжэня — лица обоих братьев мгновенно потемнели. Хэли резко отвернулся, снова пряча лицо в подушку, а Ци Фэнцзю строго оборвал наложницу:

— Тётушка, следите за языком.

Наложница Чжоу испуганно умолкла. В этот момент служанка Шуйфэнь, покачивая бедрами и стреляя подведенными глазками, подплыла к гостю с чашкой чая.

Ци Фэнцзю поднялся с лежанки и холодно произнес:

— Премного благодарен за гостеприимство, но чай я пить не стану. Брат, поправляйся. А мне пора навестить молодого господина Цзяна. Он наш гость, и будет нехорошо, если сегодняшнее происшествие оставит у него дурные воспоминания.

Наложница Чжоу покорно закивала и проводила старшего господина до самых ворот. Оставшаяся в комнате Шуйфэнь сжимала чашку с чаем так крепко, что пальцы побелели, а саму её трясло от жгучей зависти и злобы. Она бы с радостью всыпала в этот чай крысиного яду и силой влила бы его в глотку Цзян Мэнчжэню, чтобы этот высокомерный гэер подох в корчах вслед за проклятой кошкой!

<http://bllate.org/book/19598/2002402>